

В гостиной было тихо, лишь гудел холодильник.

Цин Хуан уткнулась лицом в грудь Хэ Кефэн, и уголки её губ ещё не успели опуститься в улыбку, как она почувствовала, что та отпрянула назад.

Рука Хэ Кефэн отдёргнулась, словно её обожгло кипятком.

— Твои... критические дни только закончились, в голове полный туман... — Её голос звучал как поверхность реки, затянувшаяся свежим льдом.

Эта линия обороны начала выполнять свою работу.

Хэ Кефэн повернулась и направилась на кухню без малейшего колебания. Заметив это, Цин Хуан невольно слегка нахмурилась.

— Разогрею тебе поесть...

Лезть следом и продолжать ластиться сейчас принесло бы лишь обратный результат, к тому же Цин Хуан всё-таки дорожила своей гордостью.

Она скрестила ноги на диване и мысленно перечитала всплывшие строки.

—...Почему она так сильно изменилась?—

Мм... Она думает обо мне. Думает, почему я изменилась.

Цин Хуан вытянула из своих белых волос одну чёрную прядь и накрутила её на палец.

Пройдя через череду рискованных приключений на грани смерти, Цин Хуан чётко понимала: сейчас ей необходима помощь Хэ Кефэн. Или, если точнее... защита?

Только так она сможет спокойно и ярко прожить свои последние несколько месяцев — в конце концов, иметь помощника всегда хорошо.

Прожить пятьдесят лет в оранжерее или ярко прожить десять дней? Она бы выбрала второе.

Ценить жизнь стоит лишь ради более яркого завтра.

Поэтому ей нужно заставить Хэ Кефэн поверить, что она по-прежнему тот человек, которому можно доверять.

Скользнув взглядом по стальной двери, она внезапно подумала:

А что творится снаружи? Есть ли какая-то опасность? Просидев дома несколько дней из-за критических дней, она снова начала терять терпение.

Цин Хуан наклонила голову и заглянула на кухню. Хэ Кефэн стояла к ней спиной, и, убедившись, что та на неё не смотрит, Цин Хуан босиком ступила на пол. Волна холода, вполне ожидаемо, ударила в голову.

— Цс-с... —

Затем она шаг за шагом направилась к двери, легко постучала по металлической поверхности и слегка прикрыла её рукой.

— Пш-ш, пш-ш, пш-ш, Японочка? Слышишь меня? —

Японочка тут же высунула голову из-за двери — словно вынырнула из воды, чуть до смерти не напугав Цин Хуан.

— Снаружи нет ничего необычного?

— Как сестрица Цин Хуан и велела, я всё время смотрела. Тех монстров, на которых сестрица Цин Хуан просила обратить внимание, я не заметила, — голос Японочки звучал безэмоционально, как серебряный колокольчик.

— Ну и отлично... Сходи проверь ещё в окрестностях, нет ли там всякой нечисти. Мы с этой Хацзифэн скоро выйдем, помоги нам заранее провести разведку.

Цин Хуан, казалось, всё ещё сомневалась и добавила:

— Вернёшься — принесу тебе лампочку. — Она помнила, что Японочка любит светящиеся штуки, хотя делиться ими и не собиралась.

Не обращая внимания на загоревшиеся глаза Японочки, Цин Хуан на цыпочках тихонько вернулась на диван.

Она коснулась груди: рак лёгких постепенно прогрессировал, то и дело напоминая о себе приступами тошноты.

Конечно, она понимала, что каждая вспышка физической активности — это мина замедленного действия под её здоровьем. Но смириться с тем, чтобы бездарно растратить

последние месяцы, она была ещё меньше готова.

Поэтому она заставит Хэ Кефэн нести за неё ответственность.

Хэ Кефэн наскоро разогрела полуфабрикаты и, закончив, позвала Цин Хуан к столу.

— Будет ли она по-прежнему такой послушной?.... —

Цин Хуан собиралась снова применить тёмную психологию, чтобы прикинуть, как вести себя в соответствии с вкусами Хэ Кефэн, но текст больше не появлялся.

Время вышло? С той минуты, как я это активировала... и до сих пор прошло примерно минуты три... Впрочем, этого хватило.

Но... судя по последним показанным строкам... она хочет, чтобы я и дальше вела себя послушно?

Отлично, я вполне могу притвориться. Пока Хэ Кефэн защищает меня, я могу играть эту роль всю жизнь.

Цин Хуан села за обеденный стол и посмотрела на полуфабрикаты перед собой. Хотя на душе было противно, она понимала: сейчас не время перебирать харчами.

Куда важнее было продолжать оставаться хорошей девочкой.

Цин Хуан опустила голову и принялась молча за еду, а Хэ Кефэн прислонилась к косяку кухни и наблюдала за ней.

У Цин Хуан от напряжения слегка зачесались и сжались пальцы на ногах. Она чувствовала, как взгляд Хэ Кефэн скользит по её макушке — сверху вниз, слева направо.

Почему она вдруг стала так внимательно следить за каждым моим движением?

Цин Хуан не знала.

Да и сама Хэ Кефэн не знала. Она просто чувствовала, что Цин Хуан в последнее время ведёт себя чересчур странно, бросаясь из одной крайности в другую.

А Цин Хуан тем временем подсчитывала в уме: поем почти до конца, потом сама соберу тарелки, скажу «спасибо, Хэ-Хэ», а в голос добавлю столько слащавости, что у самого неба сведёт пальцы на ногах.

— О чём задумалась? —

Голос Хэ Кефэн прозвучал неожиданно, с каким-то неуловимым подтекстом.

Цин Хуан подняла голову.

Палочки застыли на весу, во рту уже неизвестно сколько раз пережёванный кусок еды. Она заметила, что брови Хэ Кефэн слегка сдвинуты, но зла в её взгляде не было.

Скорее, она пыталась что-то разглядеть...

— Ни о чём... — Цин Хуан проглотила еду. — Думаю, что это довольно вкусно.

Хэ Кефэн ничего не ответила.

Её взгляд медленно отделился от лица Цин Хуан и опустился на её волосы — белые пряди перемежались с несколькими чёрными, словно краска легла неровно, но в этой болезненности было нечто притягательное и яркое.

Хэ Кефэн пару секунд смотрела на эти чёрные пряди, а затем резко отвернулась и уставилась в окно.

Цин Хуан заметила, как пальцы, сжимавшие стакан, побелели от напряжения.

Помолчав немного,

Хэ Кефэн с глухим стуком поставила стакан на столешницу, подошла, села напротив Цин Хуан, но к еде не притронулась — просто смотрела на неё.

— У меня на лице что-то написано? Ешь давай.

Цин Хуан опустила голову и снова принялась запихивать в рот полуфабрикаты, но спина уже покрылась мурашками.

Не бойся греха, коли совесть чиста — но Цин Хуан, судя по всему, боялась.

Я что, переборщила с маскарадом? Похоже, и правда слишком наигранно вышло?

Впервые за столько лет жизни она пыталась притвориться ласковой, впервые изображала послушную девочку — небольшая неуклюжесть ей вполне простительна, считала она.

Но стоило подумать о том, что Хэ Кефэн раскусит её фальшь...

От этой мысли у неё заledenел затылок: если Хэ Кефэн перестанет её защищать, разве она не окажется на шаг ближе к смерти?

Нельзя оставаться в поле её зрения.

Пусть она и не станет сомневаться в моей искренности, но точно начнет допытываться до мотивов... Если догадается, будет плохо! Я же должна быть хорошей девочкой!

Цин Хуан ускорила темп, закинула в рот последние куски и поднялась, собираясь убрать посуду.

— Я сама.

Хэ Кефэн протянула руку и забрала миску, её пальцы случайно скользнули по тыльной стороне маленькой ладони Цин Хуан.

В этот момент обе замерли.

Однако Цин Хуан не отняла руку.

Она посмотрела на их соприкоснувшиеся руки и, не успев толком подумать, поддалась инстинкту: вместо того чтобы отдернуть ладонь, она позволила пальцам задержаться на руке Хэ Кефэн ещё на секунду.

Совсем легко.

Настолько легко, что потом можно было бы списать всё на случайность и растерянность.

Но вокруг вдруг стало так тихо, лишь гул холодильника нарушал тишину.

Цин Хуан почувствовала, как рука Хэ Кефэн чуть дёргнулась. Подумав, что та сейчас перехватит её ладонь в ответ, она уже была готова мысленно открыть шампанское.

И тут Хэ Кефэн резко отдернула руку.

Миска качнулась между ними, но Хэ Кефэн ловким движением перехватила её.

— Сиди, — её голос внезапно стал ледяным. Холодным, как в тот день в чайной лавке, когда

она увидела Е Юньси.

Она повернулась, ушла на кухню и принялась что-то греметь у стойки.

Цин Хуан осталась стоять на месте, глядя ей в спину.

Плечи Хэ Кефэн были напряжены до предела, линии от лопаток до затылка натянулись, как тетива лука.

У неё стресс?

Стресс...

У Хацзифэн стресс!

Да что с ней не так? Сама же хотела послушную меня, а когда получила — сразу превратилась в эту ледяную глыбу...

Цин Хуан мысленно поставила галочку: слишком близко подходить нельзя, по крайней мере, не при нынешнем уровне отношений... Мало очков расположения?.. По только что случившемуся это и так понятно...

Но она также осознала, что реакция Хэ Кефэн была явно чрезмерной — даже простое отвращение выглядит иначе!

Цин Хуан не стала подходить к Хэ Кефэн.

Она вернулась на диван, натянула пуховик повыше, так что наружу торчали только моргающие глаза.

В таком виде она, пожалуй, выглядела послушной без лишней фальши.

Шум на кухне не утихал долго. Когда Хэ Кефэн вышла, вытирая руки, выражение её лица уже было полностью под контролем.

Она села на другой конец дивана, оставив между ними расстояние примерно в человека.

— Говори, — голос Хэ Кефэн звучал ровно.

— О чём?

— Ты только что, — Хэ Кефэн сделала паузу, — хотела мне что-то сказать.

Цин Хуан утопила подбородок в высоком воротнике пуховика, оставив на виду лишь половину лица.

С этого ракурса она казалась максимально безобидной.

— Я хочу завтра пойти с тобой.

Брови Хэ Кефэн слегка взметнулись вверх, а затем снова сошлись на переносице, пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— Нет.

— Я—

— Ты помнишь, в каком виде вернулась в прошлый раз, когда пошла одна? — Тон Хэ Кефэн не предполагал обсуждения, это было решение.

Хотя в тот день она многое упустила, следя за Цин Хуан, она всё же поняла, что та попала в какую-то передрагу. Исчезнувший Да Цюй и те призраки до сих пор вызывали у Хэ Кефэн глухую тревогу.

Цин Хуан помнила.

Но ведь это случилось потому, что она была слаба, потому что у неё рак лёгких.

Это тело само по себе было сплошным куском гнилой грязи.

Только Хэ Кефэн не знала о раке — точнее, не знала, что нынешняя Цин Хуан обо всём осведомлена.

— Это была случайность, — Цин Хуан смягчила голос. — Я одна не знаю дороги... Конечно, мне пришлось туго. Но если ты пойдёшь со мной...

— Никаких «если».

Хэ Кефэн встала, её позиция была предельно ясна.

Цин Хуан уставилась ей в спину, чувствуя нарастающее раздражение — то самое бессилие,

когда ты видишь дорогу, но тебя насильно прижимают к земле.

Она вытащила лицо из воротника и добавила в голос приторности:

— Хэ Кефэн.

Шаги Хэ Кефэн замерли — очевидно, она заметила этот резкий перепад интонаций.

— Ты знаешь, почему я хочу пойти с тобой? — голос Цин Хуан звучал мягко, словно бред во сне.

— Не потому, что я не боюсь смерти.

Она помедлила, подбирая слова.

— А потому, что когда я остаюсь здесь одна, я слишком много думаю.

В этой фразе была и правда, и ложь.

Когда она оставалась одна, её слишком активный мозг действительно рождал массу безумных идей, помогая убить время... но не более того.

Хэ Кефэн не обернулась, оставшись стоять на месте. Воцарилось молчание. Разговоры с Хэ Кефэн всегда заходили в тупик — это была одна из причин, почему Цин Хуан не питала к ней особой симпатии.

— О чём тебе ещё думать... с тво-то мозгами... разве ты способна что-то сообразить? — глухо донёлся голос Хэ Кефэн спереди.

Цин Хуан мысленно вздохнула и благополучно пропустила шпильку мимо ушей.

— Потому что я боюсь, что ты умрёшь... уйдёшь от меня... бросишь меня... —

Хэ Кефэн наконец повернулась.

Она посмотрела на Цин Хуан.

Несколько дней назад она уже сделала свой выбор насчет Цин Хуан, а в последние дни её вылазки обходились без происшествий — быть может... можно рискнуть?

— Завтра, — голос Хэ Кефэн оставался бесстрастным. — Держись рядом со мной. Если поранишься — возиться с тобой не стану.

Конечно же, она стала бы возиться. Допустить, чтобы этот лучик света угас прямо у неё на глазах, она всё равно была не в силах.

Цин Хуан на мгновение опешила.

Затем она кивнула, снова спрятала лицо в воротник, а под защитой пуховика её губы изогнулись в улыбке.

Получилось.

<http://bllate.org/book/19346/1891926>